
МАРИАННА
ДУДАРЕВА

ВЕТЛА, ВЕРБА, РАКИТА В ЛИТЕРАТУРЕ XIX—XXI вв.: ОТ ФОЛЬКЛОРА К РЕАЛЬНОСТИ

«РХ» приветствует на своих страницах коллег из легендарной «ЮНОСТИ»: кандидата филологических наук, заведующую отделом литератур народов России и СНГ Марианну Дудареву и Валерия Дударева — русского поэта, главного редактора журнала «ЮНОСТЬ».

Обращение писателей к образу дерева обычно не случайно. Исходя из мировой мифологической и фольклорной традиции, архетип дерева ассоциируется с Мировой Осью. Дерево участвует и во многих ритуалах, включено в обрядовый комплекс в славянском фольклоре, подменяя часто человека. О древесной символике в художественном мире разных писателей русской литературы писали многие.

Лингвисты рассматривают дерево как особый концепт, включенный в большой контекст *национальной аксиологии*. Литературоведы за образом дерева усматривают также архетипическую структуру. Однако стоит уточнить вид дерева, к каким именно деревьям обращается русская литература. Конечно, чаще всего мы обнаружим символизацию березы, дуба и вербы. На это указывают и фольклористы, и языковеды, занимающиеся вопросами лексики, фразеологии в контексте национальной культуры¹. Если с березой и дубом с точки зрения номинации еще не возникает особых вопросов, то на вербу стоит обратить внимание, потому что это дерево встречается в разных вариациях: ива, ракета, ветла. Перечисленные названия не есть одно, но художественная действительность всегда *преломляет* реальную и размывает границы восприятия. Но ветла, на наш взгляд, все же занимает особое место в лексике, в эстетике русской литературы.

Обратимся к генезису образа ветлы. Она *прорастает* в русской литературе XIX в. сквозь вольный перевод из Гете — «Лесной царь» В. Жуковского, который *перерос* мифологического «Ольхового короля». Об этом еще тонко и точно написала М. Цветаева в эссе «Два “Лесных царя”», обратив внимание на большую разность между королем и царем². Последний *весь русский*, он и помещен в *национальный контекст*, в котором ветла — один из символов. Посмотрим на следующие строчки:

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей». —
«О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне»³.

В ответе отца, с одной стороны, проявляется *профанное сознание* — не видит и не хочет отец *чуда*, отрекается от метафизического. С другой стороны, здесь ветлы замещают фигуры «дочерей», что неслучайно, так как женщина вполне совместима, по законам *ритуальной логики*, с древесным началом. Кроме того, учитывая вариативность в номинации дерева (ветла — ива — верба), стоит учесть и значение вербы в славянских обрядах. Верба соотносится

¹ Красс Н.А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии): автореф. канд. дис. М., 2000.

² Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. С. 429—430.

³ Жуковский В.А. Лесной царь // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 2008. Т. 3.

с женским началом, с невестой¹. Возможно, здесь эта семантика несколько «размыта» у Жуковского, но Цветаева ее точно уловила: «Мы подошли к самой вершине соблазна и баллады, к месту, где Лесной Царь, неистовство обуздав, находит интонации глубже, чем отцовские-материнские, проводит нас через всю шкалу женского воздействия, всю гамму женской интонации: от женской вкрадчивости до материнской нежности; мы подошли к строфе, которая, помимо смысла, уже одним своим звучанием есть колыбельная»². Итак, *эйдология* женского начала все-таки в поэме сильна и подкреплена образом ветлы, имеющей в фольклоре и другие дополнительные коннотации.

Слово «колыбельная» в эссе Цветаевой, может быть, возникло случайно, но нас оно отсылает к детскому фольклору, к колыбельным со «страшным сюжетом». В известном тексте о «сером волчке», начинающемся со слов «Баю-баюшки-баю», мотив укачивания ребенка сочетается с устойчивыми образами: край (ракиновый кусток/лесок), волк³. Этими словами, образами обозначено особое пространство — задана модель *края света*, то есть границы между мирами. Именно на таком «пограничье» осуществляется с героем инициация. Лес, ракиновый кусток — локусы, потенциально связанные с *иным миром*. Можно дальше реконструировать элементы родильного обряда, с которым соотносимы колыбельные песни, но в данном случае мы лишь укажем на *амбивалентность* образа ракиты (вербы, ветлы), на которую часто обращают внимание и фольклористы⁴.

Возвращаясь к литературному контексту, отметим еще раз семантическую насыщенность «ветлы» у Жуковского. Образ дерева сопряжен с женским архетипом и указывает на «пограничное» состояние героя. Хотя, конечно, тонкая серебристая ветла напоминает еще и привидение в темноте, но речь в поэме не об этом. В данном контексте ветла несет именно мифо-фольклорную нагрузку. Подобное сочетание образов (дерева и женского начала) встречаем и в поэзии XX в. Особенно полно из поэтов, обращавшихся также неоднократно к образу ветлы, это выразил и теоретически обосновал С. Есенин в трактате «Ключи Марии», в рассуждениях о древесной символической: «*Всё от древа* — вот религия мысли нашего народа, но празднество этой каны и было и будет понятно весьма немногим»⁵.

Метафизически заряжен образ ветлы и в прозе И. Бунина, в романе «Жизнь Арсеньева»: «Ее прежние колеи зарастали травой, старые ветлы, местами еще стоявшие слева и справа вдоль ее просторного и пустынного полотнища, вид имели одинокий и грустный»¹. Ветлы как бы сопровождают путь и раздумья Арсеньева (к этому фрагменту мы еще вернемся). Обращаясь в данном контексте и к прозе, мы можем показать, как значима именно *ветла* для русской аксиологии. Подобное мета-значение ветла приобретает и в рассказе М. Горького «Однажды осенью». Не углубляясь в метафизику сюжета, обратим внимание на парадигму «разбитая ветла — перевернутая лодка». Повествование начинается именно с этих деталей: «Небо тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле видные глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчёркивали две обломанные и уродливые ветлы и опрокинутая вверх дном лодка у их корней»². Специалисты, анализирующие рассказ в фольклорно-мифологическом контексте, указывают на расширение смыслового содержания текста за счет образов-символов, ветел и лодки: «<...> в обычной («профанной») детали проступает у Горького определённое сакральное содержание»³.

Подобное амбивалентное значение образа ветлы мы найдем в поэтике Ф. Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» литературоведы, занимающиеся проблемами символики и фольклоризма в художественном мире писателя, обратили внимание на inferнальность образов Ракитина и ракинового дерева, которые связаны не только номинативно между собой, но и на *внутреннем* уровне. Так, В.Е. Ветловская указывает на *поворотный* (для Алеши) характер ситуации встречи у одинокой ракиты: «Из ненавязчивых деталей, соединяющих выход Алеши в «мир» и возвращение его из «мира» в первый день, заметим связь между Ракитиным и той «уединенной ракитой», под которой ожидает брата Митя. Эта ракита здесь же упоминается еще дважды, сопрягаясь с мотивом повешения»⁴. Таким образом, семантика фамилии оказывается ритуально значимой. Если воспринимать ракиновое дерево/кусток (вспомним здесь и колыбельные) в архетипическом ключе, учитывать иномирное значение, то можно говорить о ритуальных маркерах в тексте Достоевского.

Сохранилась ли в современной литературе эта семантическая напряженность, значимость данного образа, не затерялось ли само слово «ветла»? Как ни странно, в современной поэзии мы находим целую

¹ Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских обрядов // Труды по знаковым системам. Тарту, 1982. XV. С. 65—71.

² Цветаева М.И. Указ. соч. С. 431.

³ Горбунова К.А. Сюжет о сером волке в русских колыбельных песнях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5298> (дата обращения: 09.07.2017).

⁴ Копытов Н.Ю. К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах (на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Фонд Форда: сайт (дата обращения: 09.07.2017).

⁵ Есенин С.А. «Ключи Марии» // Есенин С.А. Собр. соч.: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1997. Т. 5. С. 190.

¹ Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 5. С. 49.

² Горький М. Однажды осенью // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит., 1949. Т. 1. С. 473.

³ Ханов В.А. Фольклорно-мифологические «корни» рассказа М. Горького «Однажды осенью» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2005. № 1. С. 40.

⁴ Ветловская В.Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 148.

книгу у В. Дударева (уже переизданную и дополненную) с названием «Ветла». Его ветла открывает поэтический сборник и тут же ошеломляет читателя:

Мы можем бросить все дела,
Мы можем спятить, можем спиться...
Ветла
Не загорится!¹

Делай, что хочешь, иди «базарь» жизнь («можем спятить, можем спиться»), но ветла *будет* стоять на месте. В этом есть нечто *архетипическое* и метафизическое — неслучайно стихотворение открывается грозой, при которой даже лица видны:

Когда от молний ночь светла —
В окошках вздрагивают лица,
Но наша старая ветла
От молний вряд ли загорится.

Гроза — пограничное время, *оний* час для человека. У Дударева — так и есть, от того и лица «вздрагивают». Стоит обратить внимание, что ветла *старая*, но не умаление ее в этом, а возвышение. Она *перевидала* многое, бунинская — такая же. Критики, анализируя книгу «Ветла», уже обращались, аккуратно подступали к имени Бунина, проводя параллели с его поэзией. Однако связь с творчеством классика нам кажется более тонкой и носит она латентный характер. Так, в другом стихотворении поэта («Провинция») вновь возникает ветла, но не в качестве Мирового Древа, а дана она *мимолетно*:

Пусть побеждают миражи!
В них канет каждая из весен,
Но ты, прощаясь, расскажи:
О, сколько в мире верст и ветел!²

Действие стихотворения начинается в «космическом пространстве», на что указывает образ *вселенных ковшей*:

Пока вселеновы ковши
Над нами счастье проливают —
Ты целый мир любить спеша,
Куда б ни вывела кривая!³

Такая космогоническая парадигматика продолжается в символической паре «верст и ветел». И в этом не только ритмическая находка автора, но и *семантическая сторона* крайне важна здесь. Молодой Арсеньев, путешествуя с отцом, смотрит на разбитые дороги и видит старые ветлы, которые как бы провожают его и терзают воображение *преданьями старины глубокой*: «<...> Помню одну особенно, ее

дуплистый и разбитый грозой остов. На ней сидел, черной головней чернел большой ворон, и отец сказал, очень поразив этим мое воображение, что вороны живут по несколько сот лет и что, может быть, этот ворон жил еще при татарах...»¹.

Соблазнительно этот отрывок соотносить с первым стихотворением (к тому же Дударев очень ценит творчество Бунина, хорошо знает роман «Жизнь Арсеньева»), но его ветла грозой не разбита, ее она не тронула. Семантическая напряженность заключается совсем в другом. Ветла представлена в архетипическом свете, как нечто метафизическое и живое, повидавшее многое — «от татарских времен» до наших дней. И именно эти впечатления и должен донести потомкам лирический герой.

Версты и ветлы слились воедино — это напоминает мифо-ритуальный путь культурного героя, который должен дойти до Мировой горы или Мирового древа. В фольклоре это четко выражено в поэтике заговоров, так как заговорная модель мира включает в себя, в первую очередь, *путь героя*, его приобщение / обретение сакральных знаний и Мировую Ось, выраженную деревом / горой / камнем / солнцем². Текст Дударева по интонации напоминает закливание, заговаривание человека и его судьбы:

Пока часовни на Руси
Еще остались у обочин,
Ты клятву в ночь произнеси
Неутолимей и короче!³

Но есть у этого автора и другие ветлы, связанные уже не только с судьбой, но и с любовью:

Неутолимо хванчкары
Глоток упрям, родим и светел,
И серебрят меж ветел ветер
Сонеты солнечной игры.
Напитан звуками клавиш,
Форель бурна, овечка блеет —
И в этом жизнь.
Так любит мир.
Но лишь поэт любить умеет.
Когда судьбу свою итожа,
Он различает —
час настал!
Любовь и смерть —
одно и то же!
И возникает мадригал⁴.

Конечно, речь идет о высоком модусе Любви. Образный строй обманчиво прост в этом стихотворе-

¹ Дударев В.Ф. Ветла и другие стихотворения. М.: Художественная литература, 2016. С. 14.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 132.

¹ Бунин И.А. Указ. соч. С. 49.

² Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговоры. М.: Наука, 1993. С. 108 — 127.

³ Дударев В.Ф. Указ. соч. С. 133.

⁴ Дударев В.Ф. Указ. соч. С. 161.

нии: ветер, форель, рыбка. Но этот *огляд* жизни заставляет думать, приводит к философской формуле: «любовь и смерть — одно и то же!». *Ветер и ветлы*, как и *версты ветлы* тоже не просто удачная интонация и рифма, а особая парадигма — соединение воз-Духа, ветра, уже серебряного, с ветлой, Мировым древом. И, наконец, все три лексемы объединяются в стихотворении «Богиня», образуя стройный звучащий и метафизический судьбоносный ряд:

Какое пространство
молчало!
Какие сбывались мечты!
Светило то жарко, то ало,
Стеснялось своей наготы.
То версты,
то ветлы,
то ветры,
/О, даже при мысли о Ней! / —
То самые темные ветви
Тотчас становились темней.
То золы каминные пели
В трубе, словно в царстве
теней.
В лесах погребальные пеплы
Кострищ становились темней.
Лучам Ее не было ниши!
Надтреснута завязь в узле!
Слабея,
темнее и тише
Мы ждали Ее на земле¹.

Здесь выражены концепты и «судьба», и «любовь». Только ветла уже не серебряная, а темная, вдумчивая, ожидающая. Так можно проследить *трансформацию образа* ветлы в поэзии Дударева (хоть последнее стихотворение и не включено в книгу, написано годом позже). Вечная монументальная непоколебимая ветла — ветла-провидица, совсем бунинская — ветла серебристая нежная, воздушная — ветла темная судьбоносная.

О знаковости образа ветлы для автора (и шире — дерева/древа) свидетельствует и обложка книги, точно подобранная — с одной стороны изображена кора, с другой — картина И. Босха «Слышащий лес и зрячее поле». Лес, деревья слышат и видят. Натурфилософия, даже язычество пробиваются через книгу поэта и выступают в разных проявлениях. Но тема языческого, варварского — отдельная в поэтике Дударева.

Итак, образ ветлы/ивы/ракиты встречается уже в текстах русского фольклора, в колыбельных песнях со «страшным сюжетом», где носит архетипический характер, так как именно это дерево «сближается с образом Мирового Древа»². В русской литерату-

ре XIX — начала XX в. ветла находит свое место — и в поэзии, и в прозе. За этим образом у Жуковского, Достоевского, Горького, Бунина кроется «пограничная» семантика, ветла является своеобразным маркером состояния *порога* героя. В современной поэзии лексема «ветла» также не потерялась, а полно реализовалась в поэтическом языке В. Дударева, который сделал образ дерева заглавным.

Литература

1. Бунин И.А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005. Т. 5.
2. Ветловская В.Е. Символика чисел в «Братях Карамазовых» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. Т. XXVI. С. 139—150.
3. Горбунова К.А. Сюжет о сером волке в русских колыбельных песнях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2013/18/5298> (дата обращения: 09.07.2017).
4. Горький М. Однажды осенью // Горький М. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Худож. лит, 1949. Т. 1.
5. Дударев В.Ф. Ветла и другие стихотворения. М.: Художественная литература, 2016.
6. Дударев В. Яти, Еры, Ери // Независимая газета. 2017. 16 марта.
7. Есенин С.А. «Ключи Марии» // Есенин С.А. Собр. соч.: в 7 т. М.: Наука: Голос, 1997. Т. 5.
8. Жуковский В.А. Лесной царь // Жуковский В.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.: Яз. рус. культуры, 2008. Т. 3.
9. Копытов Н.Ю. К семантике фитонимических символов в фольклорных текстах (на материале песенной традиции Карагайского района Пермской области) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: Фонд Форда: сайт (дата обращения: 09.07.2017).
10. Красс Н.А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка (на материале мифологии, фольклора и поэзии): автореф. канд. дис. М., 2000.
11. Толстой Н.И. Из «грамматики» славянских образцов // Труды по знаковым системам. Тарту, 1982. XV. С. 65—71.
12. Топоров В.Н. О структуре некоторых архетипических текстов, соотносимых с концепцией «Мирового Древа» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. V. С. 9—62.
13. Ханов В.А. Фольклорно-мифологические «корни» рассказа М. Горького «Однажды осенью» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2005. № 1. С. 37—42.
14. Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5.
15. Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума: образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговоры. М.: Наука, 1993. С. 108—127.

¹ Дударев В. Яти, Еры, Ери // Независимая газета. 2017. 16 марта.

² Топоров В.Н. О структуре некоторых архетипических текстов, соотносимых с концепцией «Мирового Древа» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. V. С. 37.

